

Юй Шу прикрыл рот рукой, не веря своим глазам. Щеки его пылали, а бледно-зеленый свет, исходящий от него, потускнел. Он подглядывал, сгорая от стыда и возбуждения одновременно, сердце бешено колотилось в груди. Юй Шу боялся, что Пэ Сок услышит его, увидит его в этот неловкий момент.

Юй Шу сглотнул. Тачикава Такисукэ целовал шею Пэ Сока, оставляя на ней легкие отметины. В душе духа боролись зависть и ревность. Он завидовал, что этот инь-ян мастер может прикасаться к Пэ Соку, ревновал, что только ему позволено делать подобное.

Пэ Сок слегка нахмурился, его веки порозовели, а алые губы приоткрылись, испуская удушающий стон.

Дыхание Юй Шу участилось. Он совершенно забыл о присутствии второго человека, полностью поглощенный красотой Пэ Сока. Дух протянул руку, желая коснуться губ юноши, но, как и прежде, прошел сквозь него.

— Он не видит и не слышит тебя, даже не чувствует твоего присутствия, — раздался тот самый голос — надменный и насмешливый, как и прежде. — Хочешь прикоснуться к нему? Как этот мужчина?

Зрачки Юй Шу сузились, кадык заходил ходуном, губы беззвучно шевелились, а пальцы дрожали. Наконец, не в силах сопротивляться темным, потаенным желаниям, он прохрипел:

— Я... хочу.

Тачикава Такисукэ почувствовал что-то странное и слегка повернул голову в сторону Юй Шу. Там ощущалась слабая, чистая духовная сила.

— Что такое, Такисукэ? — Пэ Сок смущенно приоткрыл глаза, не видя ничего вокруг.

— Ничего, — сказал Тачикава Такисукэ. Наверное, его сбила с толку духовная сила дерева. Он снова прильнул к губам Пэ Сока, нежно покусывая его пухлую нижнюю губу, языки сплетались в страстном танце.

— Он довольно чувствителен, — произнес голос. — Хочешь посоревноваться с ним? Кажется, Пэ Соку он очень нравится.

Юй Шу поджал губы. У духа, рожденного в горах, не было мирских условностей. Раз он хочет Пэ Сока, он получит его любой ценой. Даже если придется делить его с кем-то. Лишь бы Пэ Сок смотрел на него, касался его — этого будет достаточно.

— Помоги мне, — сказал Юй Шу, взяв себя в руки. Он не сводил глаз с Пэ Сока и обратился к голосу: — Что ты хочешь взамен?

Цан Ци стоял в одиночестве под сенью огромного баньяна, глядя на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву. Этот мальчишка, Ю До, слишком привязался к этому лицемерному человеку. Он ни в какую не хотел возвращаться с ним на Север и даже расплакался у него на глазах, умоляя скрыть его ёкайскую сущность.

Чем больше Цан Ци думал об этом, тем сильнее его раздражение нарастало. Ёкай, прирученный человеком? Нелепо! Особенно если учесть, что это племянник великого северного ёкая. Видимо, гены решили обойти его стороной.

В мгновение ока убийственная аура распространилась по всему двору.

— Эй, великий ёкай, придержи свою ауру, — Курукава Джин проходил мимо с катаной на плече. Заметив убийственную ауру, он нахмурился и предостерегающе произнес: — Сейчас мне нужно готовить ужин, и я не хочу, чтобы ты мне мешал.

Что ни говори, а кровь не водица. И волчонок, и этот ёкай — оба любили выпускать свою ауру наружу.

— Это не твоя территория, — Курукава Джин бесстрастно посмотрел на него. На его обычно апатичном лице появилось серьезное выражение, словно он был готов в любой момент атаковать, если Цан Ци сделает хоть одно неверное движение.

Цан Ци смирил мечника ледяным взглядом. Если бы не подавляющая сила дерева-духа, из-за которой ему пришлось запечатать часть своей силы, этот человек, полагающийся лишь на грубую силу, не посмел бы так с ним разговаривать.

Однако взгляд снежного волка упал на катану Курукавы Джина. От этого меча исходила мощная аура великого ёкая.

Цан Ци прищурился и усмирил свою ауру.

Курукава Джин слегка нахмурился, посмотрел на небо и, не обращая больше внимания на ёкая, направился на кухню.

Это единственное, что он мог сейчас предложить Пэ Соку, и он должен был дорожить этой работой.

После ужина Пэ Сок сидел в кабинете, практикуясь в каллиграфии. Пламя свечей на подсвечнике дрожало, отбрасывая блики на его рукава. Он подвернул их, чтобы не запачкать тушью. На рисовой бумаге один за другим появлялись аккуратные, совершенные иероглифы. Это искусство пришло из Поднебесной, и ему обучали только детей из знатных семей.

Пэ Сок сосредоточенно выводил иероглифы, не меняясь в лице.

— Войдите, — произнес он, отложив кисть после последнего штриха, и посмотрел на раздвижную дверь.

Дверь открылась, и вошел Цан Ци, сбросив человеческий облик. Лицо его было ледяным, взгляд серых глаз с чуть раскосыми уголками — надменным. Волосы стали серебристыми, а в глазах, отражая свет ночника, мерцали изумрудные искры.

Пэ Сок не испытывал ни капли страха, глядя на грозного ёкая. Он спокойно продолжал разглядывать свою каллиграфию и тихо спросил:

— Что скажете об этих иероглифах?

Цан Ци не разделял его интереса. Он смотрел на человека сверху вниз с высокомерным безразличием. Взгляд его оставался спокойным, даже сердце билось с неестественной равномерностью. Цан Ци приблизился к Пэ Соку, опустился перед ним на колени и сжал его шею. Сдавливание было легким, скорее предупреждающим.

— Человек, ты не боишься? — Цан Ци недоумевал. Даже сейчас в глазах Пэ Сока не было ни тени страха.

Он все так же спокойно улыбнулся и спросил:

— Господин ёкай хочет меня убить?

Цан Ци слегка усилил хватку. Он чувствовал, как под его пальцами бьется пульс, как течет кровь по венам хрупкого человека.

— Ты действительно не боишься? — холодно спросил он.

Пэ Сок тихо рассмеялся и коснулся ледяных пальцев ёкая. Цан Ци резко отдернул руку, словно обжегшись. Тепло человеческой кожи жгло его, и ёкай не мог игнорировать эту дерзость.

Лицо Цан Ци еще больше помрачнело. Он убрал руку и уставился на след, который сам же и оставил на шее Пэ Сока. До чего же хрупкое создание! Он почти не касался его, а след все равно остался.

Ёкай нахмурился, недовольный собой.

Пэ Сок потрогал шею, взял медное зеркало и, вздохнув, произнес:

— Похоже, этот след еще долго не сойдет.

Он поднял глаза на Цан Ци и с мягкой улыбкой добавил:

— Господин ёкай не хочет как-то загладить свою вину?

Цан Ци выгнул бровь, словно услышал какую-то нелепость. Ну конечно, люди всегда пользуются моментом! Но его взгляд по-прежнему был прикован к шее Пэ Сока.

— И чего же ты хочешь? — холодно осведомился он.

Пэ Сок моргнул, не ожидая, что этот высокомерный и равнодушный ёкай действительно готов загладить свою вину. На его губах заиграла легкая улыбка.

— Тогда, будьте добры, нанесите мазь.

<http://bllate.org/book/14253/1260213>